

А.Ю. Минаков. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2011. 560 с.

Исследование А.Ю. Минакова посвящено истории становления и идеологии раннего русского консерватизма. Потребность в таком обобщающем труде давно назрела. Интерес к русскому консерватизму, в том числе к его раннему периоду, на протяжении последних двух десятилетий стремительно растет. Между тем изучение консерватизма эпохи Александра I до сих пор носило преимущественно очерковый характер: предметом исследования, как правило, становились отдельные темы и сюжеты. И хотя порой они получали довольно глубокую разработку, тем не менее общей картины становления русского консерватизма в историографии не было. Теперь благодаря монографии Минакова этот пробел восполнен.

Автор не просто обобщил собранный его предшественниками материал. На протяжении многих лет он сам основательно изучал множество частных аспектов данной темы, ввел в научный оборот немало новых материалов и получал порой неожиданные результаты. Сочетание собственных научных штудий с накопленным в современной историографии багажом делает рецензируемую монографию поистине энциклопедическим трудом.

Первая глава книги традиционно посвящена историографии и характеристике источников. Минаков воссоздает историю изучения русского консерватизма, начатого еще в XIX в., продолженного, хотя и с большими идеологическими перекосами, в советское время и пережившего новый всплеск в 1990-е гг. До недавнего времени, как показывает автор, главным образом изучался не консерватизм как течение, а отдельные консерваторы, их биографии и взгляды. Во второй главе рассматривается формирование русского консерватизма как идейного и общественного течения. Представляется вполне обоснованным мнение Минакова, что это течение складывается именно в первые годы правления Александра I. Действительно, отечественные мыслители XVIII в., высказывавшие традиционалистские идеи, не образуют единого консервативного лагеря; их условный «консерватизм» являлся реакцией на те или иные инициативы правительства, а не целостным мировоззрением. Минаков показывает и причины, по которым русский консерватизм складывается именно в начале XIX в. Прежде всего выделяется, конечно, влияние Французской революции, трагедия и боль которой были восприняты

русскими мыслителями как что-то свое, близкое, то, что в любой момент может произойти с Россией. Отсюда и негативная реакция на вестернизацию, ведущуюся с начала XVIII в., и стремление поднять престиж православной Церкви и возродить народные традиции, положив их в основу общенациональной культуры.

В общем смысле все это, безусловно, справедливо. Сложности возникают, когда речь в книге заходит об отношении ранних консерваторов к конкретным действиям русского правительства. Минаков совершенно прав, когда говорит о неприятии ими реформаторских инициатив Негласного комитета, но что касается реформ Петра I, то здесь точка зрения автора представляется несколько противоречивой. В действительности одностороннего отношения к Петру I у русских консерваторов не было. Как бы они ни оценивали отдельные аспекты политики царя-преобразователя, его личность и деятельность являлись в их глазах прежде всего символом славного исторического прошлого России. Петр уже успел стать для них фигурой глубоко национальной.

В работе удачно сочетается теоретическое осмысление проблем русского консерватизма с яркими портретными характеристиками отдельных консерваторов. Особенно масштабно в этом отношении показан Г.Р. Державин. В монографии впервые в исторической литературе столь обстоятельно анализируются его общественно-политические взгляды начала XIX в. Именно Державин стал одной из наиболее ярких фигур на первом этапе развития русского консерватизма, который приходится на 1801–1807 гг. Но ключевым моментом в становлении консерватизма в России, как справедливо полагает автор, стало появление книги А.С. Шишкова «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка».

Второму периоду, который приходится на временной отрезок между Тильзитским миром и Отечественной войной 1812 г., посвящена третья глава монографии. Минаков создает широкую панораму русского консерватизма предвоенных лет. Ярко и по существу характеризуется деятельность «Беседы любителей русского слова», масонских лож, тверского салона вел. кн. Екатерины Павловны, анализируются «Мысли на Красном крыльце» Ф.В. Ростопчина и записка «О древней и но-

вой России в ее политическом и гражданском отношениях» Н.М. Карамзина. Вывод автора о том, что именно в эти годы происходит «резкое усиление политических позиций консерваторов», хорошо обоснован и не вызывает ни малейшего сомнения. Однако следовало бы, как представляется, подчеркнуть некоторую парадоксальность данной ситуации. Рост влияния консерваторов происходил на фоне союзнических отношений России с наполеоновской Францией и либерализации правительственного курса (реформы М.М. Сперанского). Исследование Минакова не только объясняет этот парадокс, но и позволяет сделать любопытные выводы о политике Александра I в этот период. На первый взгляд, царь предпочитал играть сразу на двух полях. Он «дружит» с Наполеоном, продвигает Сперанского и в то же время не только позволяет, но и поощряет деятельность «Беседы любителей русского слова» с ее ярко выраженным националистическим уклоном, а также допускает существование консервативного кружка внутри императорской семьи (салон вел. кн. Екатерины Павловны). Однако в действительности эта политика целостна и хорошо продумана. Сохраняя видимость дружеских отношений с Францией и втайне готовясь к войне с ней, Александр переходит на позиции консерватизма, понимая, что именно такая идеология способна сплотить нацию в военное время.

Отечественная война 1812 г., как совершенно справедливо отмечает Минаков, стала звездным часом консерваторов. Автор показывает роль «русской партии» в лице вел. кн. Екатерины Павловны, Шишкова, Ростопчина, С.Н. Глинки и А.А. Аракчеева в событиях 1812 г. При этом акцент ставится на организационной и служебной деятельности этих лиц, меньше внимания уделяется их идеологии. Это отчасти оправдано, так как идеология консерваторов детально анализируется в последней главе книги. Но лишь отчасти, поскольку 1812 г. – не только важный момент в выдвижении консерваторов на первые государственные роли, но и особый этап в истории осмысления самой войны. Не случайно представители «русской партии», и в первую очередь государственный секретарь Шишков, стали главными идеологами войны. Возможно, на этой проблеме имело бы смысл остановиться несколько подробнее.

Автор обращает внимание на письмо вел. кн. Екатерины Павловны, в котором она в июле 1812 г. предлагала кн. В.П. Оболенскому выяснить, «в какой мере начатая война есть война народная» (в оригинале «combien cette guerre était nationale»¹). Кажется, это первый случай употребления термина «народная вой-

на» применительно к событиям 1812 г. Правда, слово «народная» в данном контексте еще не подразумевало стихийного участия народа в боевых действиях. Речь шла о готовности русского дворянства добровольно встать под знамена формируемого ополчения. Но очень скоро «народная война» станет одной из важнейших идеологией 1812 г. Будущий декабрист Ф.Н. Глинка еще до Смоленского сражения напишет: «Народ просит воли, чтоб не потерять вольности. Но война народная слишком нова для нас»². Для идеологов национально-патриотического толка, о которых говорится в монографии, война с французами, как справедливо полагает Минаков, являлась составной частью и своего рода кульминацией в развитии их галлофобских идей. Участие народа в этой войне, безусловно, служило важным аргументом в их народническо-шовинистической пропаганде, но в то же время консервативно-монархические взгляды накладывали определенные ограничения на понимание ими народного характера войны. Строго говоря, ни у Шишкова, ни у Ростопчина, ни у Сергея Глинки в 1812 г. выражение «народная война» не встречается, но Шишков постоянно упоминает народ как действующую военную силу в своих манифестах (правда, на последнем месте, после дворянства и купечества), а афиши Ростопчина написаны народным, в его понимании, языком. С. Глинка, который тоже принес обильную дань «народности», позже не без некоторого облегчения писал: «Войны 1812 года нельзя в полном смысле назвать *войною народною*. (И слава Богу!) Война народная за Россию была у предков наших в *трехлетнее междоусарствие*, когда, по словам грамот и летописцев того времени, *престол вдовствовал*. Но в наш *двенадцатый* год, Россия, под щитом Провидения, восстала за Отечество в полноте жизни своей; в недрах ее действовали: *Царь, войско и народ*; действовали нераздельно мыслию, душою и мышцею»³. Стоит также заметить, что если для некоторых консерваторов, например, Г.Ф. Фабера, участие русского народа в войне стало важным доводом в защиту неприкосновенности крепостного права, то для либералов это обстоятельство служило аргументом в пользу его отмены.

После войны 1812 г., как показывает Минаков, деятельность консерваторов в основном сосредоточилась в сфере высшего образования. Справедливо трактуя политику Министрства духовных дел и народного просвещения, возглавляемого кн. А.Н. Голицыным, как консервативную, автор отмечает, что взгляды министра отличались «от магистрального на-

правления русского консерватизма, в основе которого лежали прежде всего православные ценности и патриотизм, что в дальнейшем привело к острому конфликту между Голицыным и православными консерваторами». При этом Минаков очень убедительно опроверг давно сложившуюся схему, согласно которой реакционное министерство душило отечественное образование. В частности, исследуя ревизию Казанского университета, проведенную М.Л. Магницким в 1819 г., историк развеял миф о якобы учиненном им там погроме. Проанализировав огромный по объему отчет Магницкого об этой ревизии, он показал, что укорененные в историографии представления о вреде, причиненном ревизором, сильно преувеличены, а сам университет и до ревизии представлял собой довольно жалкую картину. Действительно, российские университеты, открытые Александром I в первые годы его царствования, тяжело и медленно вставали на ноги. Средств на их содержание хронически не хватало, преподавание велось на низком уровне, а набор студентов носил случайный характер. Учить было практически некому и почти некого. Вполне естественно, что тогдашние чиновники учебного ведомства смотрели весьма пессимистично на саму возможность создать в стране полноценное университетское образование.

Пожалуй, наиболее сложными в теоретическом и историческом плане являются проблемы «консерватизм и православие» и «консерватизм и масонство». Следует согласиться с автором в том, что борьба Ростопчина с масонами — это противостояние внутри консервативного лагеря, а само русское масонство в некоторых его проявлениях может рассматриваться как один из видов отечественного консерватизма.

Очень интересно в книге интерпретируется конфликт Аракчеева и Голицына, закончившийся отставкой главы «сугубого министерства» в 1824 г. Минаков убедительно показал, что это было не банальное столкновение временщиков, боровшихся за место под солнцем, как традиционно считается в историографии, а спор, в основе которого лежали серьезные идейные расхождения, касавшиеся судеб Русской Церкви, престола и государства. При этом, как верно отмечает Минаков, эта борьба внутри консервативного лагеря питалась религиозными истоками: традиционное православие с одной стороны, и европейский мистицизм — с другой. Если сразу после Отечественной войны мистицизм выполнял функцию консервативного сдерживания и противопоставлялся революции как религиозное начало безбожному, то теперь в аналогичной роли

выступило православие, противопоставляемое мистицизму как истинная вера — ложной, под маской которой скрывается все то же революционное безбожие. Новая волна революций в Европе, поднявшаяся в начале 1820-х гг., и их подавление державами Священного союза поставили Александра примерно в то же положение, в котором он находился после победы над Наполеоном. Тогда царь искал средств для предотвращения новых революций в универсальном христианстве. Теперь оказалось, что мистицизм не способен остановить революционную угрозу, и царь обратился к православию, что привело внутри страны к победе «православной партии» во главе с Аракчеевым.

В этом контексте особое значение приобретает сложная фигура архимандрита Фотия (Спасского). Кажется, впервые в литературе она получает вполне определенный идейный облик. Минаков удачно избегает оценочных суждений, которые традиционно сопровождают Фотия в отечественной историографии. Он показывает, что если Аракчеев выступил как глава «православной партии», то Фотий стал ее главным идеологом.

Русский консерватизм, в концепции Минакова, за два с небольшим десятилетия проделал значительную эволюцию, пройдя путь от полемики по вопросам языка, начатой Шишковым, через мистические искания Священного союза до победы «православной партии» на государственном уровне. Автор показывает, как он модифицировался, принимая вид то националистической пропаганды, то поиска мистических откровений, то христианизации образования, то православного изоляционизма.

Заключительная и самая обширная глава монографии строится по иному принципу, чем все предшествующие. Если в первых главах речь шла об основных этапах в становлении консерватизма, то в последней Минаков показывает его как единую идеологическую систему. При том, что русский консерватизм не был единым и внутри него нередко шла ожесточенная борьба, есть множество признаков, позволяющих идентифицировать различные его виды как грани единой ментальной структуры. Прежде всего это проявляется во взглядах консерваторов на государственное устройство, где ими не допускалась никакая иная форма правления, кроме самодержавной. Консерваторы также сходились в признании целесообразности сохранения в России того времени крепостного права. Единственное исключение, о котором пишет Минаков, — аракчеевский проект крестьянской реформы 1818 г. — подтверждает правило. Аракчеев в

данном случае выступал не как идеолог, а как чиновник, исполнявший волю царя. Автор сводит воедино все аспекты раннего русского национализма, тщательно реконструируя консервативные модели образования, экономики, религии, русской истории и культуры в целом.

А.Ю. Минаков давно и заслуженно пользуется репутацией ведущего специалиста в области русского консерватизма Александровской эпохи. Его перу принадлежат десятки исследований, в том числе и монографических, под его редакцией неоднократно выходили тематические сборники, по его инициативе в Воронеже созывались научные конференции, посвященные проблемам консерватизма. Его монография подводит своего рода итог этой многолетней и многогранной деятельности и

открывает новую перспективу для дальнейшего научного изучения отечественного консерватизма.

В.С. Парсамов,
доктор исторических наук
(Саратовский государственный
университет
им. Н.Г. Чернышевского)

Примечания

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Переписка Императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 21.

² Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 8.

³ Глинка С. Записки о 1812 году. СПб., 1836. С. 263.

Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. 888 с.

Как известно, о терминах не спорят, о них договариваются. Вероятно, относительно понятия «гражданское общество» исследователи пока еще не вполне договорились. О нем дискутируют и историки, и политологи, и социологи, причем вопросов со временем становится все больше. Что такое гражданское общество? Применим ли этот термин к российским реалиям Нового времени? Формировалось ли гражданское общество в России в XIX – начале XX в.? А может быть, к 1917 г. оно уже сложилось? Приблизиться к ответу на такие вопросы – цель коллективной монографии «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в.» Столь значимая научная задача потребовала участия ведущих отечественных и зарубежных исследователей, уже многие годы разрабатывающих эту проблематику: А.С. Тумановой, В.Я. Гросула, О.Ю. Елиной, И.С. Розенталя, А.Е. Иванова, А.Д. Степанского, Дж. Бредли, Д.И. Раскина, И.В. Зубкова, П.П. Щербинина, А.А. Сафонова. В этом ряду столь известных имен не могло не быть Александра Давидовича Степанского, памяти которого и посвящена книга. Именно он был «первооткрывателем» темы и зачинателем историографической традиции изучения общественных организаций¹.

Анализ деятельности такого рода объединений с неизбежностью подводит исследователя к узловым проблемам истории России XIX – начала XX в. Трудно говорить об общественных организациях, не определив состоя-

ние общества, не охарактеризовав общественную мысль эпохи. В книге констатируется, что в условиях урбанизации, распространения образования, растущей популярности периодических изданий коммуникативная среда становилась существенно более «плотной», а процесс общественной самоорганизации протекал значительно быстрее. В монографии была проанализирована эволюция законодательной базы, регулировавшей деятельность общественных организаций. Также рассмотрено становление научных, просветительских, благотворительных, экономических, сельскохозяйственных, национальных, конфессиональных обществ. Отдельный очерк посвящен формированию клубной культуры в России. Исследованы формы общественной самодетельности (издательская, просветительская деятельность, благотворительность), представлена широкая панорама сетевых, горизонтальных связей, формировавшихся с конца XVIII в. Может быть, не хватает лишь характеристики периодических изданий, связывающих воедино разрозненные кружки, разделенные порой тысячами верст.

XIX век – время складывания общественной, с ее сложной внутренней структурой и свойственной ей собственной логикой развития. Конечно, речь идет о «долгом XIX веке» (1789–1914). Эти хронологические границы, характерные и для данной монографии, вполне обоснованны. Одной из первых вех в становлении общества стали жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г.² Их привилегии